

В. Н. КОКОВЦОВ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПОЛИТИКИ

М. А. Кочеткова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 17 марта 2014 г.

Аннотация: статья посвящена истории назначения В. Н. Коковцова на пост председателя Совета министров Российской империи в 1911 г. и анализу правительственной декларации как программного заявления нового премьер-министра. Рассматривается реакция на программу правительства со стороны общественных и политических деятелей.

Ключевые слова: В. Н. Коковцов, назначение, правительственная декларация, Государственная дума IV созыва.

Abstract: article is devoted to the appointment of V. N. Kokovtsov as the Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire in 1911 and to the analysis of the governmental declaration as policy statement of the new prime minister. The public and politicians' reaction to the program of the government is also taken under consideration.

Key words: V. N. Kokovtsov, appointment, governmental declaration, State Duma IV.

Перемены в государственной, общественной и научной жизни страны конца XX в. не могли не наложить отпечатка на переосмысление всего массива знаний по истории России. Начали появляться работы, детально освещающие жизнь и деятельность людей, творивших историю страны конца XIX – начала XX в. Вполне естественно, что внимания ученых, прежде всего, удостоились те из них, кто не только занимал важнейшую государственную должность, но и считается наиболее ярким представителем бюрократической среды.

Важность изучения особенностей личности и судеб представителей высшей ступени бюрократии справедливо отметил Л. Е. Шепелев: «Взаимоотношения между министром и монархом можно, без сомнения, назвать стержнем всей системы центрального управления в Российской империи. Министр был для императора не только доверенным лицом, но и основным... докладчиком, главным поставщиком сведений о состоянии той или иной сферы государственной или общественной жизни. В своем ведомстве министр пользовался огромной властью. Именно по его указаниям осуществлялась политика министерства. Только через него устанавливалось направление этой политики» [1, с. 37–42].

В работах историков назначение В. Н. Коковцова на пост председателя Совета министров обычно констатируется как факт. Между тем сама его личность оценивалась современниками настолько противоречиво, что изучение его деятельности как на посту

министра финансов, так и на посту премьер-министра остается актуальным вопросом.

С одной стороны, многие свидетельствовали, что выбор Николая II пал после убийства П. А. Столыпина на В. Н. Коковцова или совершенно случайно, или вследствие интриги последнего. Об этом писал, например, журналист Л. М. Клячко (Львов): «...он поставил Николаю II ультиматум, заявив, что “под вторым номером в Совете министров не останется”... Царь... уступил» [2, с. 40, 42]. В несколько иной тональности писал генерал П. Г. Курлов: «...он достиг своей цели, и я думаю, что в душе был убежден, что теперь настало время заменить несовершенную систему П. А. Столыпина своей, при его сомнении, более совершенной» [3, с. 152]. Не питавший к Коковцову симпатий С. Ю. Витте подчеркивал: «...интрига шла всю... интриговал... Коковцов, чтобы ему сделаться председателем... из этих трех [Щегловитов, Кривошеин, Коковцов. – М. К.] кандидатов» [4, с. 568, 569].

Однако кандидатура В. Н. Коковцова покажется совсем неслучайной, если обратить внимание на его деятельность в кабинете П. А. Столыпина. Именно он был заместителем председателя и проводил заседания в его отсутствие. Вопреки заявлению С. Ю. Витте и представителей партии националистов о полном расхождении во взглядах между В. Н. Коковцовым и П. А. Столыпиным, мы не найдем свидетельств того в главном документе по деятельности кабинета – Особых журналах Совета министров Российской империи. Наоборот, часто Столыпин поддерживал министра финансов не только против необоснованных

требований дополнительных кредитов со стороны различных ведомств, но и по различным вопросам внутренней политики. Весьма сомнительным кажется и заявление Л. М. Клячко, что «царь уступил». Нельзя отрицать, что Николай II поддавался влиянию, но также хорошо известно, как ревностно оберегал император свои прерогативы самодержца, даже после изменения государственного строя России. Согласно свидетельствам С. И. Тимашева [5, с. 50–51], С. Д. Сазонова [6, с. 345], назначение В. Н. Коковцова отвечало как личным и деловым качествам последнего, так и реалиям момента. С. С. Ольденбург также отмечал: «Преемником Столыпина был назначен В. Н. Коковцов, уже заменявший премьера за последние месяцы перед его кончиной. Весьма вероятно, что В. Н. Коковцов стал бы премьером и в том случае, если бы пуля Богрова не сразила П. А. Столыпина» [7, с. 421].

По мнению автора, выбор Николая II пал на В. Н. Коковцова по целому ряду обстоятельств. Придворные группировки могли советовать императору разные кандидатуры, но стремление Николая II всегда подчеркивать свои прерогативы *самодержца* сделало выбор *личным решением* [курсив мой. – М. К.] царя. Если обратить внимание на письма В. Н. Коковцова Николаю II до назначения премьер-министром, то стиль и язык их явно свидетельствуют о действительно верноподданническом отношении министра к своему монарху. Без сомнения, царь был уверен, что такой человек не будет стремиться затмить его ни в глазах народа российского, ни перед остальным миром. Результаты труда В. Н. Коковцова на посту министра финансов и общий экономический подъем страны также сыграли свою роль. Не мог не знать Николай II и о международном весе В. Н. Коковцова в финансовых и промышленных кругах, что значительно облегчало России внешнеторговые и банковские операции. Назначение В. Н. Коковцова состоялось также в силу политических взглядов императора. Николай II больше не желал совмещать в одном лице посты министра внутренних дел и председателя Совета министров.

Первым действием В. Н. Коковцова на новом посту стало то, на что обычно не обращают внимания: на должности министра внутренних дел и государственного секретаря были назначены рекомендованные им А. А. Макаров и С. Е. Крѣжановский. Этот акт красноречиво свидетельствует о полном понимании им тонкостей своей будущей работы и стремлении обеспечить себе необходимую поддержку. Касаясь рекомендации Макарова, В. Н. Коковцов писал императору: «Я позволил себе указать на это лицо, исполняя святость моего долга перед Вашим Императорским Величеством, чуждый каких бы то ни было личных побуждений и проникнутый одним только

сознанием тяжелой ответственности, возложенной на меня доверием Вашего Величества. Для облегчения этой тяжести я осмеливаюсь просить Ваше Величество об одном: выразить сенатору Макарову волю Вашу, чтобы деятельность его шла в должном согласовании с деятельностью председателя Совета министров [курсив мой. – М. К.]» [8, л. 8–9]. Данные настояния свидетельствовали о политической чуткости Коковцова и его стремлении обеспечить себе устойчивое положение на посту председателя Совета министров. Тот период его работы, который он в воспоминаниях называл своим «медовым месяцем», продолжался как раз до увольнения А. А. Макарова и назначения Н. А. Маклакова. Одновременно В. Н. Коковцов способствовал назначению членами Государственного совета А. А. Поливанова и С. И. Тимашева.

Следует отметить, что в конце 1911 – начале 1912 г. во взаимоотношениях с Думой В. Н. Коковцов придерживался весьма осторожной тактики поведения, так как народному представительству надо было рассмотреть и утвердить так называемую «малую судостроительную программу» по восстановлению флота страны. Когда окончание работы Думы III созыва ознаменовалось несколькими сложными эпизодами, В. Н. Коковцову пришлось принять в них самое непосредственное участие.

В марте 1912 г. благодаря настояниям В. Н. Коковцова Николай II несколько смягчил свою позицию относительно М. В. Родзянко [9, с. 480]. В апреле того же года совместными усилиями председателей Совета министров и Государственной думы была ликвидирована крайне напряженная ситуация, связанная с Ленским расстрелом [9, с. 486].

Использовал В. Н. Коковцов и ситуацию с нежеланием Николая II принимать у себя депутацию членов Думы по окончании их полномочий. Вновь разгоревшиеся на заседаниях Думы острые дебаты по смете Святейшего Синода побудили царя ответить Коковцову на вопрос об аудиенции для членов Думы: «У меня решительно нет времени принять Государственную думу» [9, с. 500]. Упорство Николая II было столь сильным, что «...пришлось выдвинуть аргумент, которым я вовсе не хотел пользоваться, и напомнить государю, что он дал Думе через меня твердое обещание принять ее, обусловив его исполнение только одним – принятием морской программы» [9, с. 500]. Прием депутатов Думы состоялся 12 июня 1912 г.

Что касается дел, рассматриваемых кабинетом министров в конце 1911 – начале 1912 г., отметим наиболее важные: о положении продовольственного дела и дальнейших мерах его развития, включая как общее усиление продовольственного капитала, так и оказание помощи конкретным местностям; о разви-

тии военно-морских сил на 1912–1916 гг.; об устроении кредитов для городов и земств.

Таким образом, еще в работе с Думой III созыва совершенно отчетливо проявилась задача, поставленная В. Н. Коковцовым, – максимально избегать возникновения конфликтов между Думой и правительством и налаживать совместную продуктивную работу; он продемонстрировал умение проявлять в острых ситуациях не только уступчивость и гибкость, но также волю и настойчивость. Стремление В. Н. Коковцова строго следовать букве закона, известное не только министрам, но и членам Думы, также явно прослеживается в поступках председателя Совета министров как в период 1911–1912 гг., так и вплоть до отставки.

В период избирательной кампании в Государственную думу IV созыва В. Н. Коковцов, уверенный в бесполезности финансирования провинциальной партийной печати и субсидирования самих партий, приложил все свои усилия, чтобы максимально ликвидировать эту статью расходов казны. Полностью отказать в ассигнованиях на избирательную кампанию В. Н. Коковцов не мог, так как дело было начато еще П. А. Столыпиным, но в 1913 г. эти расходы подверглись значительной урезке к большому неудовольствию нового министра внутренних дел. Примечательно, что смету от правых организаций в 960 тыс. руб. Коковцов категорически отверг. Отклонил премьер и намеки правых лидеров на то, что от удовлетворения их желания зависит и само отношение правых организаций к нему, «а может быть, и больше», как заявил Марков 2-й...» [9, с. 514].

1 ноября 1912 г. собралась Дума IV созыва. Убеждения В. Н. Коковцова относительно взаимодействия с партиями укрепились. В своих воспоминаниях он четко обозначил точку зрения, которую проводил в первое время работы народного представительства: «Быть может, я и тут не проявил тогда необходимой гибкости и не сумел, как мне говорили потом, взять Думу в свои руки, как это сделал бы, вероятно, покойный Столыпин. Но я занял выжидательную позицию, никого к себе не звал, ни в какие интриги не входил, а просто ждал, пока Дума перебродит в своих неустойчивых вождениях и сумеет соорганизоваться» [9, с. 552]. В силу склада своего характера В. Н. Коковцов всегда настойчиво и упорно придерживался своего мнения, был готов защищать свою точку зрения до последнего. Не обладая политической волей П. А. Столыпина, он пытался компенсировать бесстрашие и харизму последнего тактикой мелких уступок, стремлением максимально учесть все мнения, соотнести каждый свой поступок с требованиями момента, оставаясь при этом твердо на своей позиции. Там, где П. А. Столыпин говорил: «Не за-

пугаете!», В. Н. Коковцов убаюкивал оппонентов многочасовыми речами.

Вопрос о том, была ли у правительства и его главы программа действий в области внутренней политики, существовала ли разработанная стратегия проведения реформ, можно назвать спорным только отчасти. В литературе прочно утвердилось мнение, что таковой не было.

Полагаться на мемуаристику в анализе данного вопроса не представляется возможным. Основной комплекс воспоминаний представлен трудами, написанными по прошествии довольно длительного времени. Делать однозначные выводы на основании стенограмм речей членов фракций также неверно. Любая речь делегированного представителя была многократно обсуждена, выверена и утверждена на фракционных заседаниях. Думская трибуна являлась не ареной оглашения истинных устремлений и глубоких убеждений, а местом для большой политической игры. Рассматривая эту проблему, следует брать за основу иные критерии оценки: сам текст так называемой правительственной декларации, прессу и донесения из Министерского павильона Таврического дворца Л. К. Куманина.

Текст правительственной декларации, представленный IV Государственной думе, составлялся В. Н. Коковцовым особенно продуманно. Позднее в оценках мемуаристов этот примирительный тон был поставлен правительству в вину. Внесением в декларацию внешнеполитического аспекта В. Н. Коковцов и С. Д. Сазонов предотвратили готовившуюся кадетами манифестацию против правительства за молчание относительно событий на Балканах [10, л. 244 об.]. Текст будущей декларации держался в строгом секрете, поэтому заранее подготовленных ответов фракциями составлено не было.

5 декабря 1912 г. председатель Совета министров В. Н. Коковцов огласил перед Государственной думой IV созыва декларацию правительства. В самом начале выступления он отметил намерение правительства следовать пути, проторенному П. А. Столыпиным и Думой III созыва «для всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта на строго правовых основаниях, установленных 17 октября 1905 г. (*Голоса в центре: браво*)» [11, стб. 14]. Далее В. Н. Коковцов представил членам Думы список законопроектов, которые правительство намерено представить на рассмотрение. Премьер-министр заявил депутатам: «...я далек от мысли представить вам исчерпывающее их перечисление. Запросы народной жизни растут, множатся и развиваются. ...законодательная деятельность не может даже на сравнительно короткий период времени замкнуться в строго очерченные рамки» [11, стб. 15].

Декларация, сведенная в восемь разделов, содержала:

1) законопроекты о преобразовании всех уровней местного управления, «законопроекты по вопросам народного здоровья, общественного призрения, страховому, пожарному и дорожному» [11, стб. 16];

2) проект «Положения о православном приходе»;

3) «законопроекты о неприкосновенности личности и об исключительном положении» [11, стб. 19], проект упорядочения паспортной системы, проект нового устава о печати, законопроект об обществах и союзах;

4) в области права – гражданское уложение и его распространение на всю империю, межевое законодательство, проект преобразования каторги, введение в действие закона о местном суде;

5) создание и развитие учреждений всех ступеней образования, открытие новых учебных заведений, пересмотр уставов;

6) распространение аграрной реформы на окраины империи, проект о сервитутах, изменения в переселенческой политике, ограничение допуска иностранцев на Дальний Восток, пересмотр таможенных тарифов, систему мер для увеличения объемов производства и развития инфраструктуры;

7) проекты по возрождению и усилению военной мощи;

8) возвращение к активной внешней политике, в первую очередь на Балканах: «...Императорское правительство не может, конечно, не придавать первенствующего значения интересам России, охрана коих составляет его священную обязанность и налагает на него тяжелую ответственность (*Рукоплескания центра, слева и справа; голоса: браво*)» [11, стб. 30].

В конце выступления В. Н. Коковцов особо подчеркнул: «со своей же стороны, я заявляю вам, что правительство готово приложить все свое разумение и все свои силы, чтобы в дружной работе с законодательными учреждениями закрепить веления закона предначертания, отвечающие истинным нуждам и пользам нашей родной страны (*Продолжительные рукоплескания в центре и справа*)» [11, стб. 33].

Обсуждение декларации было отложено до следующего заседания. В донесении от 5 декабря Л. К. Куманин сообщал: «Общее впечатление... очень хорошее. В подавляющем большинстве подлежащих государственных задач... точка зрения правительства вполне совпадает со взглядами большинства Гос. думы IV созыва. Деловой тон заявления... взят, таким образом, правильно» [10, л. 208]. Высказывания членов различных фракций сразу после оглашения декларации [10, л. 172–173] свидетельствуют, что задача составить ее в умеренных тонах и добиться положительного впечатления была достигнута. Результатом *последующих* [курсив мой. – М. К.] фракционных совещаний

стали статьи в прессе и ответные речи представителей в заседаниях Думы первой половины декабря. Тон этих заявлений кардинально отличался от первых высказываний своей непримиримостью и едкой критикой.

На фоне «Голоса Москвы», «Раннего утра», «Русских ведомостей» («Общий тон речей – отрицательное отношение к декларации. Все ораторы указывают на отсутствие руководящей идеи, на необычайную широту обещаний и на несоответствие действий правительства его заявлениям» [12, л. 11]), лишь «Дым отечества» находил декларацию «актом высокодипломатичным и полным беспристрастной решимости тонко и спокойно заговорить с г-дами депутатами не только об их правах, но и об обязанностях. Суть недовольства декларацией правительства... сводится к тому, что, во-первых, в ней нет категорических заявлений по жгучим вопросам внутренней и внешней политики и, во-вторых, что перечень проектов, предстоящих к рассмотрению Госдумой, чрезвычайно велик, детален и составляет собой скорее подвиг чиновника, чем обязанность премьер-министра» [12, л. 31].

Как известно, выборы в IV Думу не дали большинства ни одной крупной политической партии. Для создания его требовалась долгая и сложная политическая игра с рассмотрением различных союзов и комбинаций. Подчеркнутое нежелание председателя Совета министров оказывать поддержку какой-либо фракции еще больше обостряло ситуацию. В итоге в ходе совещаний лидеров фракций вместо разработки совместных программ законодательной деятельности шло соревнование в негативной оценке исполнительной власти. Л. К. Куманин тонко подмечал в донесении от 5 декабря: «Высказываются лишь сожаления, что председатель Совета министров не пожелал завязать более тесные, и теплые, и сердечные отношения с какою-либо из центральных фракций. При существующих же чисто деловых, формальных отношениях даже те абзацы речи... которые были особенно по сердцу отдельным группам или фракциям... встречали вместо шумных рукоплесканий лишь глухой ропот одобрения, так как рядовые члены фракции начинали, посматривая на фракционных лидеров, выражать одобрение, но тотчас же смолкали, встречая сердитые взгляды сохраняющих полное молчание фракционных вождей» [10, л. 208 об.].

Необходимо особо отметить то положительное впечатление, которое произвела речь В. Н. Коковцова на зарубежную печать и европейских лидеров. Славянская пресса была благодарна (Коковцов получил телеграммы, в частности из Болгарии) за акцентированное внимание к балканским событиям; подробно обсуждалась декларация на страницах германских газет.

В исследованиях часто встречается фраза В. М. Пуришкевича, пущенная им по поводу прави-

тельствственной декларации: «...не путеводная звезда русской государственности, а млечный путь, туманность» [13, с. 31]. В. Ф. Джунковский вспоминал: «Да и что он мог сказать утешительного, когда наша внутренняя политика не имела под собой действительно никакой основы, а настроение думских кругов по отношению к правительству, в общем, было отрицательным» [14, с. 92].

Однако деятельность Совета министров в 1912–1913 гг. доказывает, что модернизация России, начатая П. А. Столыпиным, продолжалась. Программа В. Н. Коковцова, цели и задачи его деятельности на посту главы кабинета, по сути дела, продолжали столыпинский курс. Да и сам Коковцов говорил о себе как о преемнике погибшего премьера. Он внес изменения в те области, на которые имел свой взгляд (прежде всего, это касалось сельского хозяйства и промышленности). Корректировка была сделана: в работе кабинета большой вес приобрели проблемы экономического развития, государственной обороны, социальные. В. Н. Коковцовым лично была проделана огромная работа по успокоению международной напряженности. Только мобилизация западных военных округов во время военных угроз останавливалась им дважды. И на вопрос: «Была ли у В. Н. Коковцова разработанная программа действий?» – следует, на наш взгляд, вполне определенный ответ: да, была.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начала XX века / Л. Е. Шепелёв. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – 477 с.
2. Клячко Л. М. (Львов). Повести прошлого / Л. М. Клячко. – Л. : Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. – 184 с.
3. Курлов П. Г. Гибель императорской России / П. Г. Курлов. – М. : Современник, 1991. – 255 с.
4. Витте С. Ю. Воспоминания : в 3 т. / С. Ю. Витте. – М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – Т. 3. – 723 с.
5. Российский государственный архив литературы и искусства. – Ф. 1208. – Оп. 1. – Д. 48.
6. Сазонов С. Д. Воспоминания / С. Д. Сазонов. – М. : Междунар. отношения, 1991. – 398 с.
7. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II / С. С. Ольденбург. – М. : Эксмо, 2003 – 608 с.
8. Российский государственный исторический архив. – Ф. 691. – Д. 11.
9. Коковцов В. Н. Из моего прошлого (1903–1919) : Воспоминания. Мемуары / В. Н. Коковцов. – Минск : Харвест, 2004. – 896 с.
10. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276. – Оп. 8. – Д. 9. – Ч. 1.
11. Государственная дума. Четвертый созыв. – Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. – Сессия I. – Часть I. – Заседания 1–30 (с 15 ноября 1912 г. по 20 марта 1913 г.). – СПб. : Гос. типография, 1913. – Заседание 7.
12. Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. – Оп. 26. – Д. 1493.
13. Аврех А. Я. Царизм и IV Дума. 1912–1914 гг. / А. Я. Аврех. – М. : Наука, 1981. – 293 с.
14. Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. / Владимир Джунковский. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т. 2. – 685 с.

Воронежский государственный университет
Кочеткова М. А., аспирант кафедры истории России
E-mail: ast2981@mail.ru
Тел.: 8(473) 226-21-34

Voronezh State University
Kochetkova M. A., Post-graduate Student of the History of Russia Department
E-mail: ast2981@mail.ru
Tel.: 8(473) 226-21-34